

Ань Шаохуа тайно выкупил Ляньгуань, купил дом в районе Юнлэ и начал жить как небожитель. В свободное время слушал музыку, пил чай, читал книги, любовался цветами и луной, слушал ветер и наблюдал за дождём — наслаждался жизнью.

Позже, когда Гу Мо родил Цзинхэ, Ань Шаохуа вернул Ляньгуань обратно. Однако через два дня, вернувшись домой, он узнал, что Гу Мо попросил бабушку и сам переехал во второй двор. В гневе Ань Шаохуа перестал видаться с Гу Мо. Прошло уже больше года.

Забавно думать об этом. Если бы Ань Шаохуа был равнодушен к Гу Мо, он не разозлился бы так сильно из-за его самоуправства и не запер бы Павильон Изогнутой Чаши. За последний год он привёл в дом одну за другой женщин; многие намекали, что хотят поселиться в Павильоне, но он всех отверг. Если бы он испытывал к Гу Мо чувства, он бы не...

Вспомнился сон. В том сне Гу Мо до самого конца оставил потомка семье Ань. Неужели... Неужели он был глубоко привязан к нему? Что хотел сказать этот сон?

Возможно, воспоминания из сна были слишком яркими: некоторые недавние события казались далёкими и размытыми. Имя Цай Цзикана казалось знакомым, словно за ним стояло что-то важное, но он не мог вспомнить.

Помнилось только, как во сне Фугуй нагрубил Юэ'э, и он тогда сказал, что раз в доме нет «третьей госпожи», то в Дворе Струящегося Света можно называть Юэ'э так. Затем он передал все дела второго двора в её руки. С тех пор все во дворе знали, кому угождать.

Видимо, он всё ещё злится на Гу Мо — даже во сне продолжал злиться. Когда Гу Мо только женился, он осмелился сказать бабушке, что он мужчина и не может называться «госпожой» или «молодой госпожой». Бабушка согласилась и приказала всем слугам называть его «господином Гу». Какой ещё господин! Он был третьей супругой в доме маркиза Чжунъюна! Уже родил сына, а всё ещё господин! Пф!

Размышляя об этом, Ань Шаохуа увидел, как Гуй-эр вывела Юэ'э. Хуаньси, увидев её, поклонился и произнёс:

— Госпожа Жуань.

Юэ'э ещё не успела отреагировать, как Фугуй в дверях позвал:

— Господин!

Он толкнул дверь и вошёл. Войдя, он также поклонился Юэ'э, назвав её:

— Госпожа Жуань.

Затем он встал рядом с Ань Шаохуа и тихо доложил о том, как провожал сановника Чжана и третьего сына Цая.

Заметив, что Хуаньси и Фугуй отнеслись к ней с пренебрежением, Юэ'э невольно забеспокоилась. Женцы во внутренних покоях от природы чувствительны к малейшим изменениям в отношении, особенно со стороны мужчины, от которого зависит их жизнь. Хуаньси и Фугуй были ближайшими людьми Ань Шаохуа; в его отсутствие они могли решать многое. Если они будут вести себя так и дальше... Нет, этого нельзя допускать!

Юэ'э было всего шестнадцать, и все её мысли читались на лице. Ань Шаохуа, одеваясь,

наблюдал, как её лицо менялось, словно в фокусе, и сердце сжималось от боли. Как жаль, что он такой глупец.

Когда старшему сыну исполнился месяц, Ань Шаохуа лично навестил тётку, чтобы узнать её мнение о возможности взять двоюродную сестру в наложницы. Тётка сразу же изменилась в лице, заявив, что Юэ'э — её любимица, и даже если семья Жуань не так знатна, как семья Ань, они не станут напрашиваться в наложницы. Ань Шаохуа был разочарован.

Вернувшись домой, он несколько дней был сам не свой. Бабушка, заметив это, стала расспрашивать. Ань Шаохуа с трудом выдавил из себя правду. Бабушка рассмеялась:

— Хуа, ты не понимаешь сердечных родителей, у которых есть дочь. А знаешь ли ты законы нашей империи? Мужчина без звания может взять благородную наложницу только после сорока лет, если у него нет сына. Наложницу из низшего сословия можно взять, но разве ты хочешь, чтобы Юэ'э стала рабыней? Чтобы твой ребёнок был ниже других? Ты сейчас всего лишь студент, по закону тебе положена одна жена и одна наложница. Если сдашь экзамены и получишь степень цзюйжэня, то сможешь иметь одну жену, одну почётную наложницу, одну добродетельную наложницу и одну простую наложницу. Если станешь гуншэном, то сможешь иметь одну жену, одну вторую жену, двух почётных наложниц, четырёх добродетельных наложниц и восьмерых простых. Понял? Твоя тётка просто сказала, что Юэ'э не будет наложницей!

Эти слова стали для Ань Шаохуа откровением. На душе стало легко, словно после дождя, и он сразу же захотел вернуться в комнату и учиться, не теряя ни минуты.

Ань Шаохуа поспешил удалиться, а бабушка, смеясь, крикнула ему вслед:

— Посмотри на этого торопыгу! Настоящий глупыш! Впредь думай, прежде чем действовать...

Она не успела закончить, как Ань Шаохуа уже убежал.

Примерно через три-четыре дня, поздним вечером, Ань Шаохуа сидел в кабинете, изучая трактаты, когда Чуньтао принесла ему сладкий суп. Чуньтао была одета ярко, лицо её горело от смущения, голос дрожал:

— Третий господин, бабушка велела мне... я...

Чуньтао была одной из самых близких служанок бабушки в последние годы. Она была не только красива, но и отличалась энергичностью и прямоотой. Когда мать приходила навестить бабушку, Чуньтао часто шутила и развлекала её. Никто не ожидал, что у неё может быть такая застенчивая сторона, и Ань Шаохуа на мгновение почувствовал к ней влечение.

Чуньтао стала его наложницей. Мать тайно спросила, не хочет ли он дать ей отвар, чтобы избежать беременности. Ань Шаохуа подумал, что у него уже есть законный сын, и несколько незаконных детей только добавят дому жизни и тепла, поэтому отказался.

Чуньтао оказалась плодовита, и на следующий год родила Сю-эр. Сейчас она снова была беременна. Ань Шаохуа усмехнулся. Какая разница, сон это или нет? Возможно, это будет незаконный сын. Если так, то он попросит изменить статус Чуньтао, сделав её добродетельной наложницей.

Сегодняшний Ань Шаохуа, хотя внешне всё ещё выглядел девятнадцатилетним, чувствовал себя так, будто прожил уже больше сорока лет. Улыбка бабушки тогда явно выражала

насмешку. Наверное, тёткины уловки казались ей детской игрой. Жаль, что он тогда попал в эту ловушку и ничего не понял.

Закон, помимо регулирования количества наложниц, также строго запрещал превращать наложницу в жену. Другими словами, независимо от того, была ли она почётной или добродетельной наложницей, она никогда не могла стать женой. Однако титул «второй жены» был узаконен прежним императором Жэнь-цзуном во время одной из церемоний. С тех пор, если основная жена умирала, вторая жена часто становилась её преемницей.

Во сне Юэ'э тоже планировала это, особенно в те годы, когда семья Гу была в немилости. Если бы Ань Шаохуа не упорствовал в отказе разводиться, возможно, Юэ'э стала бы женой.

Ань Шаохуа на мгновение задумался, а в это время Гу-эр и Фугуй уже успели обменяться колкостями.

— ...Наша госпожа — это вторая жена, которую господин официально взял в жёны с восемью носильщиками! Если ты будешь продолжать так дерзить, наша госпожа накажет тебя за великое неуважение!

Фугуй отвечал твёрдо:

— Законы Великой Ю гласят: «Кто превращает жену в наложницу, будет наказан сотней ударов палкой. Если есть жена, а кто-то берёт наложницу в жёны, будет наказан девяноста ударами, и всё будет исправлено. Если кто-то, имея жену, берёт ещё одну жену, также будет наказан девяноста ударами, а вторая жена будет возвращена в свою семью». Господин Гу был лично пожалован императрицей в жёны господину. Ты сейчас называешь её «вашей госпожой». Кто же здесь проявляет неуважение?

Ань Шаохуа застыл на месте. Во сне Фугуй тоже сказал это, с такой же строгостью, и потом... потом перед глазами Ань Шаохуа возник образ Фугуя перед смертью, измождённого, но с глазами, полными решимости:

— Третий господин, Мосян — человек старшего господина. Если... если случится непоправимое, прошу вас, исполните его последнюю волю. Третий господин... вы — законный сын семьи Ань, вы не должны...

Не должен чего? Разве он не знал честного характера Фугуя? Этот мучительный, подавленный и странный сон — неужели это было предупреждение от богов?

Ань Шаохуа с безразличным видом посмотрел на Юэ'э и её служанку и ушёл.

Он оставил ошеломлённых хозяйку и служанку, а также Фугуя, который опустил голову, скрывая свои эмоции.

Ань Шаохуа был в смятении и почти машинально оделся и вышел из дома.

Был конец зимы, начало весны, и утренний воздух был холодным. Выйдя на улицу, Ань Шаохуа почувствовал, как холод проникает в самые глубины, заставляя вздрогнуть. Он поднял голову и увидел второй двор. Неожиданно вспомнилось, как во сне он сопровождал Юэ'э к бабушке, а Гу Мо не появился, лишь прислал сказать, что ему не нужно приходить с поклоном.